

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Куриловой Анны Дмитриевны на тему: «Российские рукописные риторик XVIII века на латинском языке», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.7 — «Классическая, византийская и новогреческая филология»

Рецензируемое исследование посвящено полиаспектному рассмотрению десяти ранее не исследованных российских учебных рукописных риторик XVIII века, составленных на латинском языке (см. перечень на с. 10–12). В современной специальной литературе существует немало более или менее подробных описаний риторик и риторических учений прошлых лет и эпох, в частности эпохи Античности (см. труды Г. Кейля¹, Г. Лаусберга и др.), Средневековья², русского XVIII века (работы В. П. Вомперского, В. И. Аннушкина, С. С. Волкова³ и др.), однако относительно компактный ряд пособий, детально изученный А. Д. Куриловой, долгое время оставался вне сферы исследовательского внимания филологов, несмотря на тот факт, что труды данного ряда свидетельствуют о латинском этапе формирования отечественной словесности, на что справедливо указывает автор (см. с. 3). В этой связи нельзя не согласиться со следующей констатацией В. И. Аннушкина, цитируемой диссертантом на с. 5: «в этом периоде “многое не изучено, например, латинские руководства”». Если латинский этап становления русской риторики является реальностью (что вытекает из исследования А. Д. Куриловой), то возникает, как нам представляется, требующий изучения вопрос о причинах, по ко-

---

¹ *Grammatici latini / Ex recensione Henrici Keilii: 7 vol. Lipsiae: In Aedibus B. G. Teubneri, 1855–1880.*

² Vide, e. g.: Murphy J. J. *Rhetoric in the Middle Ages: A History of Rhetorical Theory from Saint Augustine to the Renaissance.* Berkeley et al.: Univ. of California Press, 1981. 395 p.

³ Бухаркин П. Е., Волков С. С., Ветушко-Калевич А. А., Карева Н. В., Лемешев К. Н., Матвеев Е. М., Номоконова К. М., Семихина А. Н., Смирнова А. С., Тверьянович К. Ю., Филиппов А. К., Шарихина М. Г. *Риторика М. В. Ломоносова / Науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев.* СПб.: Нестор-История, 2017. 632 с.

торым этот этап подвергся практически полному забвению. Монографическим исследованием корпуса латиноязычных русских риторик, выполненным с позиций современного состояния понятийного аппарата и методов науки о языке, мы до сих пор не располагали. Недостаточная изученность указанного предмета определяет несомненную *актуальность* исследования, предпринятого А. Д. Куриловой.

На взгляд рецензента, *научная новизна* полученных соискателем результатов состоит, в частности, в следующем:

1. Во введении в научный оборот материала, который до сих пор не являлся предметом филологического анализа. Считается, что «без изучения истории создания риторик в России XVII — начала XVIII в. нельзя представить истинной картины развития общеевропейской культурной риторической традиции»¹; этот тезис представляется вполне приложим и к латинскому этапу развития русской риторики, охватывающему вторую треть XVIII века.

2. В описании и систематизации данного материала. Как показал анализ, рукописные учебные книги составлялись учителями риторики ежегодно для конкретного курса, имели преимущественно компилятивный характер, в связи с чем авторство риторик, как правило, не указывается, а сами тексты зачастую «напоминают сжатый конспект» (с. 22), но вместе с тем сохраняют некоторую самостоятельность: а) в выборе теоретического материала, а также иллюстративных примеров и упражнений; б) в собственной интерпретации риторики и даже в отдельных «попытках оспаривания авторитетов» (с. 6).

3. В доказательстве существования и обстоятельном освещении латинского этапа становления отечественной филологии: как выяснилось, во второй трети XVIII века преподавание риторики в духовных и светских учебных заведениях России осуществлялось на латинском языке, с привлечением греческих, польских, а также, прежде всего в иллюстративном материале, более или менее пространных автохтонных вкраплений (с. 21–22), т. е.

---

¹ Вомперский В. П. Риторика в России XVII — XVIII вв. / Отв. ред. акад. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1988. С. 3.

имело отчасти макаронический характер (при безусловном доминировании латыни).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материал и выводы могут быть использованы для дополнения учебных пособий по риторике, в частности раздела, посвященного истории российской риторики.

По теме диссертации **опубликовано** 29 научных работ, в том числе 17 в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по указанной специальности. В публикациях отражено содержание результатов исследования, основные положения и отдельные результаты исследования были представлены на ряде представительных научных конференций, что свидетельствует о состоявшейся **апробации работы**.

Достоверность полученных в диссертации результатов и выводов подтверждается: 1) адекватностью использованных методов и приемов; 2) достаточной репрезентативностью изученного материала; 3) продуманностью и точностью переводов, выполненных автором.

Отдельные **замечания**, точнее, размышления, возникшие у рецензента по ходу чтения этой ценной и глубокой работы, сводятся к следующему:

1. В ходе исследования диссертант уделяет немало внимания вопросу о топике. Рассмотрев данный вопрос, в частности на примере «нижегородской риторики» («Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии» 1766), автор заключает: «Таким образом, в нижегородской риторике наглядно, хотя и в сжатой форме, продемонстрировано использование богатых возможностей топики для создания распространённой речи» (с. 103). Между тем:

1.1. Примеры использования топосов, извлеченные диссертантом из указанной риторики, можно трактовать, в соответствии с известной античной традицией, и как источник доводов. Так, на с. 101 читаем: «Топос definitio имеет разнообразное применение. В основе определения может лежать понятие рода (“Homo est animal rationale”), целого и частей (“Homo est compositus ex corpore organico et anima rationali”), причины и цели (“Homo est animal fac-

tum a Deo ad ejusdem Dei imaginem et similitudinem, ut ipsum laudet”)). Такое варьирование, составляющее, как известно, основу жанра эристической дефиниции (*redefinitio*)¹, едва ли достаточно оценить лишь как источник распространения речи. На с. 100: топос *notatio* «понимается прежде всего как этимология слова, что подкрепляется примерами (“*Athanasius significat immortalem*” [...])», etc., но здесь же (со ссылкой на работу Л. И. Сазоновой²) абсолютно справедливо говорится об «этимологическо[м] истолковани[и] как источник[е] похвалы или поношения», т. е. как эристическом приеме.

1.2. Термин *τόπος*, лат. *locus* (букв. ‘место’, перен. ‘точка <зрения на спорный вопрос>’) в исходном его значении³ применялся как ‘параметр анализа, угол зрения для производства доводов’, ср. в «Топике» Аристотеля: «Топы для выяснения вопроса о том, какие предметы более желательны и лучше»⁴. Используя термин *τοπος* в значении ‘угол зрения’, Аристотель регулярно, иногда по пять-шесть раз на одной странице указанного трактата, использует при нем выражение «следует смотреть, ...»⁵, что отвечает пониманию: а) топики — как способа выявить (найти, «*exs cogitare*») тот набор точек зрения, который окажется наиболее релевантен для анализа данного конкретного предмета спора; б) искусства аргументации — как «способность[и] находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета»⁶.

1.3. Иные переосмысления данного термина, в частности как ‘способ распространения речи’, связаны: а) с приближением риторики как искусства спора к риторике как искусству хорошей речи (*bene dicendi*), i. e., *vulgo dicitur*, к стилистике; б) с неясностью учения Аристотеля, на что указал еще

---

¹ Vide, e. g.: Walton D. Persuasive definitions and public policy arguments // *Argumentation and advocacy*. Vol. 37. 2001. № 1. P. 117–132.

² Сазонова Л. И. Имя в риторике и поэзии XVII века у восточных славян // *Славяноведение*. 2002. № 1. С. 4–22.

³ См.: Аристотель. Топика / Перев. М. И. Иткина // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 2 / Ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. С. 347–531.

⁴ Аристотель. Топика. С. 394.

⁵ Аристотель. Топика. С. 501.

⁶ Аристотель. Риторика / Перев. Н. Платоновой // *Античные риторики* / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 394.

Цицерон: «Однажды [...] попалась тебе некая “Топика” Аристотеля, изложенная во многих книгах. Привлеченный заглавием, ты стал [...] спрашивать мое о ней суждение. Я объяснил, что в этих книгах содержится открытое Аристотелем учение о приискании доказательств [...]. Тогда [...] ты попросил меня преподавать все это тебе. Я же [...] убеждал тебя или прочитать самому, или от одного учёнейшего ратора усвоить всю эту науку. Как я узнал от тебя, испробовал ты и то, и другое. Но от книг оттолкнула тебя их **темнота**»¹. Диссертант определяет топику неоднозначно: а) как «систему источников аргументации» (с. 94) — по традиции, восходящей к Аристотелю (хотя трактат «Топика» в диссертации не упоминается); б) как основу «для создания распространенной речи» (с. 103) — в соответствии с осмыслением инвенции как методики распространения текста, принятым в ряде западноевропейских, а также русских риторик². На наш взгляд, желательно было бы уточнить соотношение значений (а) и (б).

2. Некоторые трактовки соискателя нуждаются в комментариях. На с. 149 читаем: «В вопросе о месте иронии в классификации тропов в классической риторике не было единства мнений. Так, многие авторы рассматривали иронию как разновидность (*species*) аллегории (например, Квинтилиан (*Inst. Orat.* VIII, vi, 54) [...]). Приведем цитату: «*In eo vero genere, quo contraria ostenduntur, ironia est; illusionem vocant*» ‘Ее [аллегории] разновидностью является ирония, на противоположное указывающая и насмешкой именуемая’, термин же *species* появляется ниже, в следующем контексте: «*Sunt etiam, qui haec non species allegoriae sed ipsa tropos dicant; acri quidem ratione, quod illa*

---

¹ Цицерон М. Т. Топика / Перев. А. Е. Кузнецова // Цицерон М. Т. Эстетика. Трактаты. Письма / Сост. Г. С. Кнабе. М.: Искусство, 1994. С. 63.

² См., в частности: Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию, кн. первая, в которой содержится риторика [...] // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии (1739–1758 гг.). М. –Л.: АН СССР, 1952. С. 89–378, пример такого распространения: «Ночь, представленная в уме, есть простая идея, но когда себе представишь, что ночью люди после трудов покоятся, тогда будет уже сложенная идея, для того что соединятся пять идей, т. е. о дне, о ночи, о людях, о трудах и о покое» (с. 100 / ч. 1, гл. 1, § 4); ср.: [Зеленецкий К. П.] Теория словесности. Курс гимназич. Годъ первый. Риторика. Изд. 2-е. СПб.: Въ тип. Имп. Акад. Наукъ, 1851. С. 34; Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б. Риторика. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. С. 33, etc.

obscurior sit, in his omnibus aperte appareat, quid velimus. Cui accedit hoc quoque, quod genus, cum dividitur in species, nihil habet proprium, ut arbor pinus et olea et cupressus, et ipsius per se nulla proprietas; allegoria vero habet aliquid proprium»¹ ‘Есть, однако, и те, кто говорит, что эти средства суть не виды аллегории, а тропы, подкрепляя свое мнение тем весомым аргументом, что аллегория чрезвычайно темна, в то время как все эти средства ясно выражают то, что мы имеем в виду. К этому можно добавить то соображение, что данные средства не являются видами аллегории таким же образом, как видами дерева являются сосна, олива и кипарис, ибо род не обладает особенностями, которые присущи видам, аллегория же такой особенностью обладает (например, свойством неясности. — В. М.)’. Как видим, Квинтилиан не только высказал, но и аргументировал мысль о том, что такие средства, как «сарказм, астеизм, антифразис (т. е. ironia, “которую греки именуют [...] ἀντίφρασις”. — В. М.) и паремия» не являются видами («species») аллегории.

3. В некоторых уточнениях нуждается термин *аллегория*, явно применяемый автором диссертации как однозначный. Между тем в научной литературе у данного термина фиксируются следующие значения:

3.1. ‘Символ, символика’, напр. в контекстах *сад искусства оратории* (см. с. 23), *аллегория сада* (с. 24); в этом случае: а) имеет место **замкнутая** метафора, ср. *кипарис печали, крест страданий* (слово-носитель метафоры сочетается с ключевым, «отгадочным» словом); б) возможна следующая трансформация: *сад искусства оратории* → *сад* — *символ искусства оратории*.

3.2. ‘**Незамкнутая** метафора’ — когда соискателем упоминается энигма, или «темная аллегория (*obscura allegoria*)» (см., напр., с. 155).

3.3. ‘*Allegoria (con)mixta*’, представляющая собой, если воспользоваться современной терминологией, комбинацию случаев (3.1.) и (3.2.). Диссертант

---

¹ M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim / Rec. Ed. Bonnell. Vol. II. Lipsiae: Sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1854. P. 83 / VIII, 6: 47 / VIII, 6: 58.

пишет: «В нижегородской риторике аллегория также рассматривается не как самостоятельный троп, а как развернутая метафора. Ритор указывает, что аллегория может быть чистой (*pura*), т. е. состоящей только из слов в переносном значении, или смешанной (*mixta*), т. е. содержащей также слова в прямом значении, как в примере “*flos juventutis cito marcescit*” (“цвет юности быстро увядает”) [Rhetorica 1766: 13]» (с. 160). Данное указание нижегородского ритора желательнo увязать с античной традицией. Так, в трактате М. Ф. Квинтилиана читаем: «*Habet usum talis allegoriae frequenter oratio sed raro totius; plerumque apertis permixta est*» ‘Аллегии редко охватывают всю речь: многие смешаны с открытой <речью>’¹. Аллегию без пояснения «открытой речью» именуют *полной* (*allegoria tota*), поясненную — *неполной*, или *смешанной* (*allegoria commixta*). Г. Лаусберг, поясняя различие между этими двумя типами, в качестве примера неполной аллегории приводит следующую фразу из речи Цицерона «*De domo sua*» ‘О своем доме’: «[C]um **senatum** a gubernaculis deiecisses, populum e navi exturbasses, ipse archipirata cum grege praedonum impurissimo plenissimis velis navigares» ‘Если *штурвал сената* бросите, народ римский с корабля низвергнется, и парусами тугими править будет пиратский капитан со своими грязными приспешниками’². Данная развернутая метафора является: а) скорее изобразительной, чем пояснительной или дидактической; б) замкнутой (*штурвал сената*), т. е. теряет свойства намека и фигуры двусмысленной речи, утрачивает необходимость в интерпретации, а значит, и основные, системообразующие параметры аллегории *sensu stricto*.

3.4. ‘Развернутая незамкнутая пояснительная, в частности дидактическая метафора’³ (как основа моралите, басни и притчи); это значение находим,

---

¹ M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae: Sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1854. P. 82 / VIII, 6: 47.

² Lausberg H. Handbook of literary rhetoric: a foundation for literary study / Transl. M. T. Bliss, A. Jansen, D. E. Orton; ed. D. E. Orton & R. D. Anderson. Leiden et al.: Brill, 1998. P. 400.

³ Аллегория, подобно сравнению, «*incerta certis probet*» ‘неизвестное поясняет через известное’ (M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. I. Lipsiae: Sumptibus

напр., в следующем контексте: «Аллегория [...] бывает трех видов: пословица (*paroemia vel proverbium*), загадка (*aenigma*) и притча (*parabola*)» (с. 155).

3.5. ‘Метафора *in genere*’, напр., когда говорят об иронии как виде аллегории (см. выше пункт 2). Рассмотрим с этой точки зрения следующую, в целом верную, выдержку из диссертации: «Этимологическое толкование понятия аллегории отражает представление о выражении в переносном значении, что может быть отнесено к любому тропу» (с. 156). Здесь, однако, уместнее вести речь не об этимологии (*ἀλληγορία* < *ἀγορεύω* ‘говорить на форуме’ < *ἀγορά* ‘рыночная площадь’), а об исторически исходном значении термина. В этом случае под аллегорией принято понимать любой перенос «поворот» (*τρόπος, inversio*), любое «изменение» (*permutatio*) смысла, т. е. троп, «который одно говорит, иное обозначает»¹. Первая фиксация термина *аллегория* в значении ‘любой перенос’ появляется в трактате Деметрия Фалерского: «*ἄν δὲ ὥσπερ συγκαλύμματι τοῦ λόγου τῇ ἀλληγορία κέχρηται· πᾶν γὰρ τὸ ὑπονοούμενον φοβερώτερον, καὶ ἄλλος εἰκάζει ἄλλο τι· ὃ δὲ σαφὲς καὶ φανερόν, καταφρονεῖσθαι εἰκός, ὥσπερ τοὺς ἀποδεδυμένους*» ‘Аллегория представляет собою речь прикрытую, а все, что заключает в себе темный намек, возбуждает гораздо больше ужаса и всяких догадок среди разных <слушателей>. С другой стороны, то, что выражено ясно и открыто [т. е. посредством прямой номинации. — *В. М.*], достойно лишь презрения, подобно человеку без одежды»².

Как известно, предварительное разграничение значений термина является той гарантией, которая предохраняет аналитика от потери тезиса. Между тем едва ли достаточными для адекватного анализа аллегории во всех пяти указанных выше смыслах являются старинные ее трактовки, приводимые диссертантом: а) «*metaphora continuata*» (с. 155); б) «разновидность сложной ме-

---

et typis B. G. Teubneri, 1854. P. 32 / I, 6: 4), ее цель — «намекнуть на суть неизвестного», сделать его «доступным для понимания людей» (Ousby I. *The Cambridge guide to literature in English*. 2-nd ed. Cambridge & New York: Cambridge Univ. Press, 1988. P. 20).

¹ Probi Donati Servii qui feruntur de arte grammatica libri // *Grammatici latini* / Ex rec. H. Keilii. Vol. IV. Lipsiae: In Aedibus B. G. Teubneri, 1864. P. 401.

² Δημητρίου Φαληρέως Περὶ ἑρμηνείας. Glasguae: Ex Officina R. Foulis, 1743. P. 74.

тафоры» (с. 144), etc. С позиции современной лингвистики аллегория представляет собой не просто развернутую («сложную»), но: а) незамкнутую (контекстуальный параметр); б) пояснительную, в частности дидактическую (функциональный параметр) метафору. С контекстуальной и функциональной точек зрения в основе фразы *недавно в нашей стране и в этом самом городе науки стали пускать корни, выпускать из ствола ветви, буйно разрастаться листьями и плодами* лежит не «растительная аллегория», как полагает диссертант (с. 163), а развернутая, причем замкнутая флористическая метафора.

Думается, что был бы полезен взгляд на указанные нами термины и понятия не только с точки зрения классической филологии (что, безусловно, тоже важно, напр. в плане установления линий преемственности), но и с позиций современной лингвистики, позволяющей увидеть те тонкости и оттенки, которые не были доступны античной поэтике, в частности ввиду неразработанности методик контекстуального и функционального анализа.

4. При характеристике и разведении понятий не всегда бывает точно указано основание их противопоставления. Так, соискатель пишет: «В отношении качества стиль рассматривается как высокий (*sublimis*), средний (*mediocris*) или низкий (*humilis*)» (с. 132). Речь идет об античной теории трех стилей (что также требует упоминания), последние же противопоставлены тематически, а не просто «в отношении качества». В анонимной «Риторике к Гереннию» (I в. до н. э.), ранее приписываемой Цицерону, читаем: «Итак, существует три стиля: первый — важным, второй — средним, третий — скудным именуем». Высокий стиль, в отличие от скудного, или низкого, требует «самых красивых слов» и предназначен для «важных мыслей»¹, в британском изводе указанной античной теории Иоанн Гарланд (1180–1258) схематически изобразил систему трех стилей в виде разделенного на три тема-

---

¹ Ciceronis, ut ferunt, Rhetoricorum ad Herennium libri quattuor, eiusdem de inventione rhetorica libri duo / Curavit F. Lindemannus. Lipsiae: Suptibus I. C. Hinrichsii, 1828. P. 264 & 265.

тических сектора «колеса Вергилия (*rota Virgilia*)», указав типовые для каждого сектора (и, соответственно, стиля) темы¹.

5. Отдельные переводы допускают варианты (на которых мы, впрочем, не настаиваем): а) «*dissolutio sine ullo decore, nexu et articulis*» как «рассеянность, лишенная украшений, единства и связующих частиц» (с. 113): точнее было бы перевести *dissolutio* как ‘бессвязность, инкогерентность’, cf. *oratio soluta* (Quint. Inst. IX, 4: 19) ‘проза, разговорная речь’, букв. ‘речь, не связанная <метром / ритмом>’, противоп. *oratio vincata* ‘периодическая речь’, букв. ‘речь, связанная <ритмом>’; б) *actio* как *произнесение* (напр., с. 79, 207): желательно было бы перевести как *исполнение*. В римской традиции все неречевые действия, сопровождавшие произнесение речи, именовались *actio* [‘действие’, перен. ‘сценическая игра’ < греч. *ὑπόκρισις* ‘сценическая игра, лицемерие, притворство’]. Произнесение (*pronuntiatio*) и *actio* как составные части исполнения (*гипокризиса*) были разведены М. Ф. Квинтилианом (Inst. IX, 3: 1). Фраза «в лексиконе Суды [...] *εἰρωνεία* определяется как *χλευή* [*χλευή?* — В. М.] ἢ *ὑπόκρισις* (насмешка или притворство) и уточняется понятиями *μυκτηρισμόν, σαρκασμόν, ἀστεϊσμόν* [Suidae lexicon 1928: E1 210] [см. Любарский 2012б: 462]» (с. 130) требует сверки диакритики с первоисточником², а при пересказе цитаты — замены формы вин. падежа на именительный, напр.: «понятиями “*μυκτηρισμὸς, σαρκασμὸς, ἀστεϊσμὸς*”» (с грависом); «*Croesus pro divite* (Крѣз вместо богача)» (с. 160), лучше: *Крѣз*.

Очевиден тот факт, что высказанные выше замечания имеют частный характер, побуждают скорее к теоретической дискуссии, чем к оценочным суждениям, относятся преимущественно к используемой терминологии, а потому не снижают ценности научного исследования, предпринятого А. Д. Куриловой.

---

¹ *Poetria magistri Johannis anglici de arte prosayca metrica et rithmica*. Von Giovanni Mari // *Romanische Forschungen* / hrsg. K. Vollmöller. Vol. XIII. 1902. № 3. P. 900.

² Vide, e. g.: *Suidae lexikon. Graece et latine* / Post Th. Gaisfordum recensuit et annotatione critica instruxit G. Bernhardt. T. 1. Halis et Brunsvigae: Sumptibus Schwetschkiorum, 1853. P. 778.

Анализ работы позволяет прийти к следующему *заклучению*. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода, а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Содержание диссертации соответствует формуле паспорта специальности 5.9.7. — «Классическая, византийская и новогреческая филология», указывающего на актуальность исследований в сфере «История и теория классической филологии» (пункт 1), а также в следующих указанных здесь приоритетных областях исследования: «Исследование рецепции античного наследия в Западной Европе и России» (пункт 15) и «Проблемы формирования теоретических направлений в грамматике и литературной критике Восточной Европы [...]» (пункт 18). Соответствие указанным пунктам паспорта специальности состоит в разработке оригинального полиаспектного описания российских латиноязычных риторик XVIII века, прежде всего с двух таксономически релевантных точек зрения: 1) классического канона (см. главу 2); 2) вида красноречия (см. главу 3).

Оценивая диссертацию А. Д. Куриловой в целом, отметим солидную и репрезентативную иллюстративную базу, строго выверенную аккуратность ее оформления, а также логически последовательный, алгоритмизированный стиль изложения. Диссертация изложена научно и методически грамотно, имеет завершенный характер, все ее выводы и теоретические положения логически и эмпирически обоснованы, личный вклад соискателя в изучение и решение избранной им научной проблемы представляется бесспорным. Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. №

842 (пп. 9, 10, 11, 13, 14), а ее автор, А. Д. Курилова, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.7 — «Классическая, византийская и новогреческая филология».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»,
профессор кафедры русского языка и методики
его преподавания института русского языка и словесности
Москвин Василий Павлович

13 ноября 2024 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.02.01 — «Русский язык».

Адрес места работы: 400066, г. Волгоград, просп. им. В. И. Ленина, д. 27

Рабочий e-mail: vsru@vsru.ru, рабочий телефон: +7 (8442) 24-13-60

Подпись сотрудника ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет» В. П. Москвина удостоверяю: